

а также последняя, именуемая «Суд», исполнены в высоком трагическом штиле и могут подвергнуться нападкам за переизбыток страсти, хотя сей жанр ставит своею целью потрясать сердца. Все же автор по мере возможности освобождает от этого переизбытка тех, кто сам захвачен страстью либо не слишком беспристрастен.

Мы располагаем небольшими средствами: в сочинении фигурируют некоторые эпизоды, служащие предсказанием событий, случившихся до того, как книга была закончена, которые автор шутливо называет его откровениями. Мне очень хотелось бы уверить читателя, что сочинитель заслуживает самого высокого доверия, что все было написано задолго до имевших место событий. К такому разряду предсказаний я отношу строки из «Вступления»:

*Я вижу день, когда к врагам
Войдешь ты в их поганский храм...*

а также и то, что следует из всей этой строфы. К этому же разряду я отношу и отрывок из книги «Властители»¹⁶, в котором говорится о сокольнике, который за нерадивость побивает свою ловчую птицу вороной, что как бы предсказывает смерть короля Генриха Четвертого и что изображено мною как достаточное доказательство пророческих способностей автора. Вы также заметите в построении произведения большую свободу в смене явлений и то, как неожиданно вступают в действие персонажи, что я называю внезапным переходом. Мы настояли на замене в некоторых названиях поэм чужестранных слов на французские: к примеру, на замене греческого названия третьей книги «Убрис», что означает «наказание за гордыню», и названия последней поэмы «Дан», что по-еврейски «Судия», отдавая предпочтение словам родного языка.